

С. А. ФИЛОНОВИЧ*Воронежский государственный институт искусств
г. Воронеж, Россия**ORCID: 0000-0003-2426-6949, skifa555@yandex.ru***Взаимовлияние русской и украинской
традиционной культуры
в Суджанском районе Курской области***

Своеобразие традиционной музыкальной культуры Суджанского района Курской области определяется проживанием на его территории двух этнических групп – русских и украинцев, между которыми происходили как процессы этнического обособления, так и интеграции. Каждая из групп сформировала свою музыкальную культуру и систему музыкальных жанров, демонстрирующих большую степень различия. Музыкальный язык при этом оставался важным средством культурной самоидентификации. Система музыкальных жанров русских сёл относится к локальной традиции Курско-Белгородского пограничья, где централизующим компонентом выступает хороводная песня. Она влияет на такие жанры традиционного слоя, как таночные и свадебные песни, формируя особый репертуар инструментально-хореографических видов – *карагодных* припевок. Жанровая система украинских сёл складывается из незначительного по объёму слоя традиционных жанров – зимних величально-поздравительных песен и свадебных обрядовых припевок, тогда как главный песенный массив украинцев составляет лирическая песня.

Взаимодействие культур активно проявляется в позднем слое фольклора. Это бытование поздне-традиционной лирики, общерусских частушечных наигрышей и танцев городского происхождения как в русской, так и в украинской этнической среде. Подобное сближение традиционных культур обусловлено изменением этнического самоопределения украинцев и преодолением культурной обособленности, которая в более ранний период была условием самостоятельного развития двух музыкальных традиций.

Ключевые слова: Курская область, Суджанский район, русский и украинский фольклор, традиционная культура, этномузыкология.

Для цитирования: Филонович С. А. Взаимовлияние русской и украинской традиционной культуры в Суджанском районе Курской области // Проблемы музыкальной науки. 2019. № 2. С. 55–62. DOI: 10.17674/1997-0854.2019.2.055-062.

---

* Статья подготовлена по материалам фольклорных экспедиций Воронежского государственного института искусств 1998–2013 гг. [6, с. 67].

SVETLANA A. FILONOVICH*Voronezh State Institute of Arts**Voronezh, Russia**ORCID: 0000-0003-2426-6949, skifa555@yandex.ru*

Interaction of the Russian and Ukrainian Traditional Cultures in the Sudzhan District of the Kursk Region

The singularity of the traditional musical culture of the Sudzhan District of the Kursk Region is defined by the cohabitation on its territory of two ethnical groups – Russians and Ukrainians, between whom there occurred processes of both ethnic differentiation and integration. Each of these groups formed its own musical culture and system of musical genres demonstrating a great degree of difference from one another. At the same time, the musical language remained an important means of cultural self-identification. The system of musical genres of the Russian villages pertains to the local tradition of the bordering areas between the Kursk and the Belgorod Regions, where the centralizing component is provided by the round *khorovod* song. It affects such genres of the traditional stratum as *tanochnye* and the wedding songs, forming a special repertoire of instrumental-choreographic types – the *karagodny* refrain tunes. The genre system of Ukrainian villages is comprised of a strata of traditional genres inconspicuous in its scope – glorification of winter and congratulatory songs and wedding ritual refrain tunes, whereas the main song array of the Ukrainians is comprised of lyrical songs.

The interaction between the cultures is actively displayed in the late stratum of folk music. It is the existence of late-traditional lyricism, of general Russian *chastushka* tunes and dances of urban origin in both the Russian and the Ukrainian ethnic milieus. Such a rapprochement of traditional cultures is stipulated by the change of the ethnical self-determination of Ukrainians and the overcoming of cultural insularity, which at an earlier period provided the condition of independent development of two separate musical traditions.

Keywords: the Kursk Region, the Sudzhan District, Russian and Ukrainian folklore, traditional culture, ethnomusicology.

For citation: Filonovich Svetlana A. Interaction of the Russian and Ukrainian Traditional Cultures in the Sudzhan District of the Kursk Region. *Problemy muzykal'noj nauki/Music Scholarship*. 2019. No. 2, pp. 55–62. (In Russ.) DOI: 10.17674/1997-0854.2019.2.055-062.

Этническое обособление русских и украинцев, проживающих чересполосно, а также процесс аккультурации ярко проявляются в традиционной культуре Суджанского района Курской области. За более чем 350-летнюю историю взаимоотношений соседствующих русских и украинских сёл были сформированы этнические маркеры в традиционной материальной и ду-

ховной культуре, в том числе и в области музыкальных диалектов. Несмотря на то, что жители украинских селений в настоящее время затрудняются с определением своей национальности, нередко причисляя себя к русским, именно маркеры традиционной культуры выдают в них носителей украинского стереотипа поведения и мышления, во многом отличающихся от русских.

Обособление и взаимодействие двух культур на примере Суджанского района Курской области – цель данного исследования. Проблематика, возникающая при изучении этого вопроса, слабо освещена в науке, поскольку исследователей традиционной культуры в большей степени интересовали общие восточнославянские корни. Этнические и локальные различия становятся предметом наблюдения учёных с середины XX века в связи со значительным накоплением полевого материала.

Исторические факторы формирования традиционной культуры в Суджанском районе свидетельствуют о том, что исследуемая территория, опустевшая из-за монголо-татарского ига и войн с Литовским государством, получила импульс к новому развитию в середине XVII века. В 1664 году был основан город-крепость Суджа, а все прилегающие земли заселялись первоначально служилыми людьми из Московии и украинскими казаками-черкасами Сумского слободского полка. Каждая из переселенческих групп стремилась сохранить свой язык, костюм, быт, обряды, фольклор.

В источниках середины XIX века отмечается различие внешнего вида русских и украинских домов, а к началу XX века традиционная обмазка стен глиной, характерная для украинской этнической группы, приживается и у русских. Русские также переняли и украинский термин «хата» для обозначения жилого помещения. В настоящее время в планировке усадьбы этнические отличия сглажены у русских и украинцев: дом ставится вдоль улицы на одной линии с воротами и калиткой; хозяйственные постройки образуют открытый двор; внутренняя планировка представляет собой западно-южнорусский тип, где

печка стоит устьем к длинной стене [10, с. 106–107].

Традиционный костюм, напротив, сохранил этнические отличия. У русских женский (и девичий) костюм – это сарафанный комплекс, состоящий из глухого косоклинного сарафана на лямках с гофрированным задним полотнищем, рубахи и *завески* – высокого (от груди) передника. В зависимости от материала и декора сарафаны имели различную степень праздничности: *абликат* – для больших праздников, *шубка* – для невесты и молодайки, *воскресный* – для небольшого праздника, *рабочий* – для повседневного ношения, *саян* – из ситцевой ткани. Головные уборы у женщин: *кичка* или *сорочка с позатыльной* в форме шапочки из позумента на твёрдой основе, *перевязы* (скрученные из платков повязки, украшенные цветами и лентами). Девушки покрывали голову платком.

Повсеместно в русских сёлах преобладает женская рубаха с прямыми поликами. До наших дней рубахи с косыми поликами не дошли, однако в коллекции Курского краеведческого музея таковые имеются. Ещё одна разновидность рубахи – с цельнокроёнными рукавами из *кисеи* – тонкой ажурной ткани. Зачастую такие рубахи имели широкие прямоугольные воротники – *kozyри*. Важной узнаваемой особенностью курского костюма был тканый пояс со множеством навязанных сзади кушаков или платков.

Украинский женский и девичий костюм состоял из юбки, рубахи с прямыми поликами и красно-чёрной вышивкой по всему рукаву. Обязательным элементом традиционного украинского костюма были *корсетка* – жилет до бёдер, отрезной по талии со сборками сзади и *хвартук* – короткий (от талии) вышитый передник.

Отличался и мужской костюм: у русских это длинная (до колена) рубаха в мелкую красную клетку с прямыми поликами и вставными клиньями по бокам, которая подпоясывалась вязаными поясами. Концы поясов украшались кистями или связкой нитяных помпонов. «Верх рубахи по горловине имел неглубокий разрез, иногда без воротника на завязках, иногда со стойкой-воротником, который мог иметь застёжку по центру или сбоку», – пишет Е. Л. Алфёрова [1, с. 18]. Мужская рубаха украинцев – белая сорочка с прямым разрезом и с подкройными рукавами. Вышивкой украшали воротник-стойку, грудь и края рукавов.

Почти все жители русских сёл носили липовые лапти или *чун* (верёвочные лапти). Они пришли на смену берестяным *поршням* [там же, с. 19–20]. В украинских сёлах предпочитали ходить в кожаной обуви – *черевиках* или сапогах.

Затронем язык, речь и бытовое общение. В быту, обычаях, говорах разница между украинцами и русскими подчёркивается и по настоящее время взаимными прозвищами. Украинцы, проживающие на территории Суджанского района, называют русских *москалями* (жителей Московии) или *кацапами* (выходцев с запада за обычай носить бородку как у козла – *кацапа*). В свою очередь русские называют всех украинцев *хохлами* (за обычай носить высокий чуб наподобие хохолка). Эти прозвища, видимо, появились давно и сегодня, утратив пренебрежительный оттенок, воспринимаются как народные этнонимы. Но суджанские *хохлы* осознают свою маргинальность по отношению к украинцам, проживающим в метрополии, называя себя *пэрэвэртнямы*, а свой язык не считают украинским, называя его *суржиком* (суржик – зерновая смесь).

У *суджанских хохлов* сохранился фонетический строй украинской речи и лексика бытового общения. Но в связи с отсутствием изданий, а также теле- и радиовещания на украинском языке, значительная часть лексики утрачена; потеряны навыки письма и чтения. С одной стороны, украинский язык русифицируется, с другой – многие русские и иностранные слова у местных хохлов произносятся на украинский лад. Таким образом, главным маркером этничности по-прежнему выступает язык.

Иные признаки национальной самобытности проявляются в *календарных обрядах, свадьбе, музыкальном фольклоре*. Главная особенность календарного цикла обрядов русских сёл – оформление крупных праздников *карагодными* (хороводными) гуляниями, на которые сходились жители окрестных сёл (Святки, Масленица, Пасха, Красная горка, Юрьев день, Троица, Петров день, престольные праздники). Украинское население в *карагодных* гуляниях участие не принимало, всячески показывая своё иное этнокультурное происхождение. Из украинских праздников весеннее-летнего периода главным является праздник Ивана Купала, который у русских не отмечается.

Древнеславянская общность и более позднее взаимовлияние двух культур выявляются в обрядах и величально-поздравительных песнях, исполняющихся во время святочных обходов дворов (под Рождество, под Старый Новый год, на Старый Новый год). У русских они все называются *колядками*, тогда как украинцы под Рождество поют *колядки*, а под Новый год – *щедровки*; соответственно и сами обходы называются – *колядовать* и *щедровать*. Однако в русском селе Плехово местные жители заимствовали термин *щедровать* для обозначения вообще

любого святочного обхода дворов, правда, произносят это слово с искажением – *щендровать*.

По напевам русские и украинские святочные песни не имеют существенных различий. В ритмической организации преобладают цезурированные слоговики со стихом 5+5 и цезурированные шести- и восьмивременники. По мелодико-фактурным признакам колядки образуют два типа: в форме коротких одноголосных припевок речитативного склада и в форме трёхголосного канта. Колядки в форме канта, характерные для украинской культуры в целом, у суджанских хохлов уже утрачены, но одна из них как заимствованная сохранилась у русских: «Радуйся! Ой, радуйся, Боже, освятите землю, Сын Божий народился».

В свою очередь украинцы заимствовали *посевальную* песню «Ходит Илья на Василья», распространённую в русском Приосколье. Такие заимствования связаны с тем, что ритмические типы и интонационные формулы святочных песен имеют генетическое восточнославянское родство, которое несущественно разошлось в период обособления этносов – русского и украинского. Это подтверждается многочисленными исследованиями. Например, как единый восточнославянский комплекс рассматривает святочный цикл песен О. А. Пашина [8, с. 186–199].

Слабое наполнение календарными песнями в традиции Курского Попселя, к которой относится и Суджанский район, отмечает И. Н. Карачаров, считая, что «они являются рудиментарным звеном традиции» [5, с. 21]. Так, например, масленичные песни представлены единичными образцами как в русских (Плехово), так и в украинских сёлах (Малая Локня, Черкасское Поречное).

Масленичный период в русских сёлах чаще оформляется приуроченными песнями: лирическими, – например, о разлуке молодой женщины с родительским домом («Давно-давно я у батюшки была», «Я летала перепёлкою»), – хороводными песнями («Галымба», «Ой, что это за дивище»). Как указывает О. А. Пашина, хороводные песни замещают собственно обрядовые и берут на себя все их функции: «...хороводные песни, которые в восточнославянских традициях, где отсутствуют собственно обрядовые масленичные песни, являются практически единственным музыкальным жанром, обслуживающим масленичный период» [8, с. 239].

Различается оформление ранневесеннего периода в русских и украинских сёлах. В украинских сёлах песен, приуроченных к великопостному периоду, нет, а в русских сёлах период Великого поста отмечен исполнением двух жанров – постовых танков и постовых лирических песен.

Постовые танки представляли собой обрядовое шествие по селу. В пост их разрешалось водить только на Благовещение и Вербное воскресенье («Доня белая», «На речке, на быстрой», «На дворе дождь»), а вообще танки водили на многие календарные праздники, о чём писала А. В. Руднева: «Танки в Курской области водили с первых дней наступления весны и до самой осени» [9, с. 82]. По музыкальной структуре и манере исполнения *таночные* песни близки *карагодным*.

Лирические постовые песни зафиксированы в селах Плехово, Борки, Спальное, Черкасское и Русское Поречное. Они выполняют функцию звукового маркера ранневесеннего (постового) периода и обладают особыми признаками в напеве: это малораспевная форма

текста, гетерофонная фактура, узкообъёмный (часто целотоновый) лад. Ярким примером этого жанра могут служить песни «Ой, да закипучий ключ белый колодезь», «Ветры-ветерочки» из села Плёхово. Все остальные праздники календарного цикла в русских и украинских сёлах практически не имеют специальных обрядовых песен и обслуживаются приуроченными лирическими и хороводными песнями.

Среди обрядов жизненного цикла главное место занимает *свадебный обряд*, который можно отнести к южнорусскому типу ритуала и который получил название в определении Б. Б. Ефименковой, как «свадьба-веселье». «В ней основное место занимают обрядовые акты, воплощающие контакты двух сторон – стороны невесты и стороны жениха: разного рода встречи, переезды, торги и выкупы, одаривания и угощения друг друга и т. п.», – отмечает исследовательница [3, с. 26]. Русская свадьба села Плёхово подробно описана в публикации Н. В. Ермаковой [2, с. 30–132].

Состав свадебных действий в обеих этнических культурах почти одинаков, но отличается народной терминологией: *сватовство – сватанья, пропой – могорыч, дворы глядеть – розглядныны, выкуп – торгы, повёртывать – покрывать* и т. д. Различаются и названия свадебных чинов: *сходатаи – сватуны, бояре – свадьбяны*, хотя есть и общие – *дружка, свашки, брат, сваты* и т. д.

Но более всего различий содержится в музыкальном наполнении свадебного обряда. Украинская свадьба обслуживается двумя типовыми напевами в форме припевок тирадного строения со стихами 6+6 («Подай, мамо, голку и ныточку шолку», село Гуюво) и 5+3 («Мы до тэбэ, Таню, идэмо»). Тексты таких припевок регламентируют и комментируют обрядовые действия: ритуальный переход не-

весты в другой статус, другой род (посад, выкуп, отъезд невесты, переезд в дом жениха, смену головного убора). Для пляски украинцы, как правило, приглашали несколько инструменталистов (гармонь, барабан с тарелками).

Русский свадебный песенный цикл отличается большим разнообразием жанровых видов, форм, напевов. Избыточность ритмических и мелодических форм свадьбы не раз подчёркивалась исследователями как специфическая черта южнорусской песенной традиции. Песни имеют многострофное строение, а тексты представляют собой лирический комментарий. В русской свадьбе большую роль играют величальные песни, которые пелись молодым и каждому гостю, в соответствии с его статусом в обществе и свадебной ролью. Кроме того, весь обряд русской свадьбы скрепляется так называемыми «алилешными» песнями, сопровождающимися пляской, иногда – под инструментальное сопровождение.

Традиционная лирика представлена в русских сёлах формами малораспевной протяжной песни, чаще всего – сезонно-приуроченной женской лирикой: «Зацветала у лузе лоза», «Да по улице, улице» (село Борки, село Плёхово).

В украинской песенной традиции Суджанского района ранняя традиционная лирика, известная по записям экспедиций Курского педагогического института 80-х годов XX века, в настоящее время уже не фиксируется. Сейчас исполняются преимущественно песни позднего стилистического пласта: «Ой, орёл, ты, орёл», «Плывэ човэн» (село Гуюво, село Свердликово).

Подводя итоги о бытовании музыкального фольклора, отметим следующее: в этнических группах русских и украинцев Суджанского района жанровые

системы различны, особенно в слое традиционной песни, где взаимообмен можно считать слабым. Процессы заимствования обрядов и музыкального фольклора между русскими и украинцами Суджанского района не однородны: если русские включают в свой репертуар украинскую лирику, то украинцы не могут освоить сложную лексику русских протяжных песен. А вот позднетрадиционный пласт русского музыкального фольклора является общим для обеих этнических групп.

В настоящее время слой традиционной культуры как у русских, так и украинцев в связи с социальными и экономическими условиями жизни в селе практически исчезает, или становится очень тонким. Поэтому на основе постфольклора, в рамках так называемой «третьей культуры» (по терминологии С. Ю. Неклюдова [7, с. 2–4]) происходит процесс аккультурации, при котором и украинцы, и русские становятся его носителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфёрова Е. Л. Костюмы Курской губернии. Курск: Курский Дом народного творчества, 2012. 68 с.
2. Ермакова Н. В. Старинная курская свадьба (село Плёхово Суджанского района). Курск: Курский гос. ун-т, 2005. 193 с.
3. Ефименкова Б. Б. Восточнославянская свадьба и её музыкальное наполнение: введение в проблематику. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. 64 с.
4. Жиров М. С., Жирова О. Я., Хорошилова Е. Л. Стилиевые особенности песенного фольклора Белгородско-Курского пограничья: локальный аспект // Проблемы музыкальной науки. 2018. № 2. С. 82–96. DOI: 10.17674/1997-0854.2018.2.082-096.
5. Карачаров И. Н. Песенная традиция бассейна реки Псёл (Белгородско-Курское пограничье) / под общ. ред. В. М. Щурова. Белгород: Крестьянское дело, 2004. 422 с.
6. Каталог коллекций экспедиционных и стационарных записей основного фонда Кабинета народной музыки Воронежского государственного института искусств / Воронежский государственный институт искусств. Воронеж: Авалон, 2017. 74 с.
7. Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
8. Пашина О. А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. СПб.: Композитор, 2006. 280 с.
9. Руднева А. В. Курские танки и карагоды. М.: Советский композитор, 1975. 310 с.
10. Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционной бытовой культуры (XIX–XX в.). М.: Наука, 1988. 251 с.

Об авторе:

Филонович Светлана Александровна, аспирантка, преподаватель кафедры этномузыкологии, Воронежский государственный институт искусств (394077, г. Воронеж, Россия), **ORCID: 0000-0003-2426-6949**, skifa555@yandex.ru

REFERENCES

1. Alferova E. L. *Kostyummy Kurskoy gubernii* [The Costumes of the Kursk Province]. Kursk: Kursk House of Folk Art, 2012. 68 p. .
2. Ermakova N. V. *Starinnaya kurskaya svad'ba (selo Plekhovo Sudzhanskogo rayona)* [A Historical Kursk Wedding (Village of Plyokhovo of the Sudzhan District)]. Kursk: Kursk State University, 2005. 193 p.
3. Efimenkova B. B. *Vostochnoslavjanskaya svad'ba i ee muzykal'noe napolnenie: vvedenie v problematiku* [The Eastern Slavic Wedding and its Musical Content: An Introduction to the Problem Range]. Moscow: Russian Gnesins' Academy of Music, 2008. 64 p.
4. Zhirov M. S., Zhirova O. Ya., Khoroshilova E. L. The Special Stylistic Features of the Song Folklore of the Belgorod-Kursk Border Region: A Local Aspect. *Problemy muzykal'noj nauki/Music Scholarship*. 2018. No. 2, pp. 82–96. (In Engl., In Russ.)
DOI: 10.17674/1997-0854.2018.2.082-096.
5. Karacharov I. N. *Pesennaya traditsiya bassejna reki Psel (Belgorodsko-Kurskoe pogranich'e)* [The Song Tradition of the Psel River Basin (the Belgorod-Kursk Boundary)]. Ed. by V. M. Shchurov. Belgorod: Krest'yanskoe delo, 2004. 422 p.
6. *Katalog kollektivy ekspeditsionnykh i statsionarnykh zapisey osnovnogo fonda Kabineta narodnoy muzyki Voronezhskogo gosudarstvennogo instituta* [Catalogue of Expeditionary and Stationary Collections of the Main Fund of the Folk Music Cabinet of the Voronezh State Institute of the Arts]. Voronezh State Institute of Arts. Voronezh: Avalon, 2017. 74 p.
7. Neklyudov S. Yu. Posle fol'klora [After Folklore]. *Zhivaya starina* [Living History]. 1995. No. 1, pp. 2–4.
8. Pashina O. A. *Kalendarno-pesennyi tsikl u vostochnykh slavyan* [The Calendar-Song Cycle of the Eastern Slavs]. St. Petersburg: Kompozitor, 2006. 280 p.
9. Rudneva A. V. *Kurskie tanki i karagody* [The Kursk Tanks and the Karagoda]. Moscow: Sovetskij kompozitor, 1975. 310 p.
10. Chizhikova L. N. *Russko-ukrainskoe pogranich'e: istoriya i sud'by traditsionno-bytovoy kul'tury (XIX–XX vek)* [The Russian – Ukrainian Borderlands: History and Destinies of the Traditional Everyday Culture (19–20 Century)]. Moscow: Nauka, 1988. 251 p.

About the author:

Svetlana A. Filonovich, Post-graduate Student, Lecturer at the Ethnomusicology Department, Voronezh State Institute of Arts (394077, Voronezh, Russia),
ORCID: 0000-0003-2426-6949, skifa555@yandex.ru

